

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

МАТЕРИАЛЫ НЬЮ-ЙОРКСКОГО СЪЕЗДА ЭТНОГРАФОВ

В 1953 г. в издании Чикагского университета были опубликованы материалы съезда этнографов¹, состоявшегося в 1952 г. в Нью-Йорке. Ознакомление с этими материалами показывает, что нью-йоркский съезд был большим событием для этнографической науки США, для выяснения современного состояния и путей дальнейшего развития этнографических исследований. Целесообразно поэтому остановиться на важнейших проблемах, затронутых съездом. В съезде участвовало 82 человека, из них 53-американцы, среди которых находились такие столпы современной американской этнографии, как Кробер, Лоуи, Линтон, Мид, Мордок, Беннет, Стюард, Чэплл, Ку и другие; присутствовал также Лесли Уайт.

Наука Старого Света была представлена очень бедно, а подбор делегатов был довольно случаен. Из числа наиболее известных европейских этнографов присутствовали Биркет-Смит и один из основоположников «школы культурных кругов» Копер Радклиф-Браун, также получивший приглашение, ограничился письмом, в котором подверг критике увлечение американцев «моделями» как отвлеченными конструкциями. Известный английский археолог Гордон Чайлд на съезд также не приехал. На съезде совершенно не были представлены Канада, Бразилия, Чили, Колумбия и многие другие страны американского континента.

К обсуждению были представлены 50 докладов итогового характера по отдельным проблемам этнографии, антропологии и археологии, составивших первый том материалов. Во второй книге опубликованы выступления по докладам.

Большая часть заседаний съезда была посвящена обсуждению различных теоретических проблем и концепций, выдвигаемых американскими этнографами за последние годы. Выступления целого ряда участников съезда вскрыли реакционный характер большинства этих «новых» концепций. Основные установки «психологического» направления в этнографии встретили решительный отпор со стороны многих делегатов съезда.

Основными вопросами, вокруг которых развернулись принципиальные споры, были вопросы о предмете, задачах и методе этнографии. Это определило собой постановку и таких вопросов, как изучение национального характера, содержание так называемых «моделей культуры», задачи «прикладной антропологии» (этнографии)².

* * *

Американские теоретики начали с определения этнографии как «культурной антропологии», части антропологической науки, объединяющей физическую антропологию, этнографию, археологию и лингвистику. В процессе обсуждения некоторые американские ученые остановились на определении, наряду с «культурной антропологией» «социальной антропологии». По словам Стюарда, он ввел это понятие в США для того, чтобы правительственным чиновникам, членам конгресса и другим было понятно, что антропология может изучать не только доколумбову культуру индейцев, но и современные народы. В выступлениях Лоуи, Кробера и других этнографов США социальная антропология определялась как часть этнографии, изучающая социальные отношения людей.

¹ «Anthropology Today: an Encyclopedic Inventory». «An Appraisal of Anthropology Today», University of Chicago Press, 1953.

² Напомним, что в англо-саксонских странах нет четкого терминологического разделения между антропологией и этнографией — антропология обычно именуется «физической антропологией», а этнография — «культурной антропологией» или просто «антропологией». Вновь выделенный американскими этнографами термин «прикладная антропология» правильнее перевести — «прикладная этнография». О характере этого направления американской этнографии см. ниже.

Выступивший с определением предмета этнографии профессор Чикагского университета Соль Такс свел задачи этой науки к шести самостоятельным проблемам, что получило одобрение многих американских делегатов. Это: 1) история культуры, включающая этнологию, археологию и историю языка; 2) культурные процессы: аккультурация, лингвистические процессы; 3) сравнительная социология; 4) «индивид-культура» или «этос»³; 5) такие самостоятельные области, как техника и экономика, социальная и политическая организация, право, религия, искусство, наука, язык; 6) культурные ареалы по континентам и более ограниченными областям. Трудно представить себе что-либо более эклектичное и абсолютно лишенное исторического подхода к материалу, хотя термин «история» и упоминается в первом пункте формулировки. Под «историей культуры» имеется в виду этнографическое, археологическое и лингвистическое изучение отдельных культур, т. е. то, чем занималась краеведческая (называвшая себя «исторической») школа в американской этнографии. Фактически никакой истории в этом изучении не было, так как оно в основном сводилось к каталогизации культурных явлений и институтов — и культура данного народа представлялась как простая сумма отдельных культурных черт, соединенных случайностями заимствований, диффузии и аккультурации. Поэтому и в программе Такса все, что действительно составляет содержание культуры, механически расчленено на отдельные элементы — техника, экономика, социальная организация, религия и пр. При таком подходе исчезает культура как органическое единство, в котором все явления находятся в причинной связи одно с другим и все они в конечном счете определяются уровнем развития производительных сил данного общества. Признание американскими этнографами равнозначности всех элементов культуры приводит их к отрицанию закономерностей в развитии культуры, а следовательно, и к отрицанию ее познаваемости. Естественно поэтому, что в общих рассуждениях о культуре последняя лишена всякого конкретного содержания и трактуется как непознаваемая нематериальная субстанция. В высказываниях Кробера, например, она предстает как нечто мистическое; Кробер предлагает изучать ее «вне времени и пространства, в пустоте»⁴.

Вопрос о прогрессивном, поступательном развитии культуры различных народов совершенно снят с повестки дня этнографической науки. Ему противопоставляются механически понимаемые, не подчиненные никакой закономерности, случайно происходящие «культурные процессы»: аккультурация, диффузия, ассимиляция. Если же иногда и говорят о развитии культуры, то оно понимается как процесс биологического роста. Например, Кробер характеризует развитие культуры как процесс размножения.

Антиисторизм, господствующий пока в американской этнографии, ясно проявляется и в следующем пункте программы, предусматривающем сравнительные социологические исследования. Эти исследования предусматриваются в двух направлениях: в духе дюркгеймовской социологии и по линии определения «социальных структур», т. е. типов или «моделей» специальных отношений. Как известно, концепция «социальных структур», изложенная в 1949 г. в известной книге Мордока⁵, считающейся классическим трудом по данному вопросу, подверглась справедливой критике со стороны видного английского этнографа Шапера, хорошо показавшего необоснованность и ненаучность выводов Мордока⁶. На съезде вопрос о «социальных структурах» вновь поднимался в докладе Леви-Штрауса, основным положением которого является утверждение, что социальная структура это отвлеченная модель социальных отношений, не соответствующая эмпирически наблюдаемой реальности. Несколько иначе подошел к этому вопросу Кробер, который, биологизировав социальные отношения, объявил их более древними, чем человеческая культура, «встречающимися почти во всем животном царстве»⁷.

Исследования сторонников этнопсихологии предусмотрены в программе Такса под заголовком «индивид-культура, этос». Индивид в этих исследованиях изображается не как общественный человек, а как биологическая особь, психику и поведение которой определяют подсознательные животные инстинкты, особенно инстинкты пола. Биологические законы существования человеческого организма подменяют здесь законы развития общества и культуры. Культура — это психология индивидов, писала Бенедикт, а поскольку природа человека относительно стабильна, то и культуры отдельных народов стабильны в своей специфичности и могут быть изменены только путем внешнего вмешательства. Реакционность этого учения заключается не только в субъективно-идеалистической трактовке человеческого общества, история которого определяется якобы психикой людей («сознание определяет бытие»), но и в расистских концепциях, оправдывающих любые насилия в отношении тех народов, которым этнопсихологи приписывают врожденную психическую неполноценность.

Как видим, Такс, пытаясь определить предмет этнографии, стремится отдать дань всем направлениям в американской этнографии. В его программе, как в зеркале, отра-

³ Под этим в американской этнографии подразумевается якобы характерный для каждого народа особый психобиологический тип индивидуальности, который и определяет культуру данного народа.

⁴ An Appraisal... стр. 371.

⁵ G. Murdock, Social structure, New-York, 1949.

⁶ J. Schapera, Some comments on comparative Method in Social Anthropology, «American Anthropologist», 1953, No. 3.

⁷ An Appraisal..., стр. 365.

зислов современное состояние разброда в американской этнографии, заведенной в ту пору идеалистическими концепциями культуры и общества.

Определив предмет и задачи этнографии, американские этнографы пригласили представителей других стран высказаться, «какое значение для них имеет американская классификация» этой науки. Подавляющее большинство иностранных делегатов не поддержало заслушанное ими запутанное определение. Видный датский этнограф Бирке Смит, выражая мнение этого большинства, заявил, что «антропология в англо-американском смысле не наука, а место встречи различных наук» и что «этнология в Дании предпочитает работать больше над конкретными проблемами, чем витать в философском тумане»⁸. Американское определение предмета и задач этнографии подверглось критике и в письме Радклиф-Брауна участнику съезда Леви-Штраусу в связи с докладом последнего об изучении «социальных структур». Очевиден тот факт, что этнография в большинстве стран Европы и Азии сохранила самостоятельность и не перестала быть наукой, несмотря на все усилия американцев подчинить ее своему идейному влиянию. Более того, некоторые этнографы показали, чем в действительности в ряде случаев заняты американские исследователи в их странах. Представитель Японии Намба отметил, что многие американские ученые изучают японские общины и культуру Японии, но их работы сделаны «главным образом в интересах специфических нужд оккупационных войск и публике недоступны»⁹.

Получив такой отпор, руководители съезда не смогли скрыть свое недовольство. Кробрер, подводя итоги выступлениям, заявил, что американское определение антропологии — огромное достижение науки, до которого европейцы, якобы «связанные традицией», еще не дошли.

* * *

Как известно, с легкой руки Рут Бенедикт в арсенал идейного вооружения американских этнопсихологов поступили пресловутые «модели культуры», используемые и для обоснования реакционной концепции о расовой специфичности отдельных культур. Идея Бенедикт сводилась к тому, что каждому народу, в силу его психологических особенностей, свойственна только определенная и неизменная «модель» или тип культуры. Связь этих «моделей» с учениями Шпенглера и Фрейда была в свое время прослежена и убедительно показана в нашей литературе¹⁰. «Модели культуры» — один из краеугольных камней в здании современной американской этнографии. Однако характерно, что сами американские этнографы, отдавшие дань этой «новейшей» концепции, восстали против нее, как заводящей науку в тупик. Оказалось, что это «аморфная концепция (Клюкхон¹¹) и что «никто не знает, как с нею обращаться» (Линтон¹²).

Однако наиболее полно и последовательно антинаучный характер «моделей культуры» был вскрыт японскими учеными. Рут Бенедикт, через несколько лет после изобретения «моделей культуры» отсталых народов, распространила свою теорию на классовое общество и создала «модель» японской культуры, описав ее в книге под претенциозным заглавием «Хризантема и меч»¹³. Эта книга вызвала глубокое возмущение широких кругов японской общественности. В 1949 г. в Японии был выпущен специальный номер журнала «Японская этнология» (т. 14, № 4) под названием «Вопросы, вызванные книгой „Хризантема и меч“», с пятью критическими статьями. Кроме того, ряд статей был опубликован в 1951 г. в «Ниппон Таймс», в журналах «Сисо» и «Тисей». Летом того же года в Токийском университете состоялись 12 заседаний, посвященных детальной критике выводов Бенедикт. Японские ученые, справедливо отметив порочность трактовки японского современного общества без учета его классового расслоения, показали, что Бенедикт вообще далека от понимания культуры современной Японии, что она существовала «модель японской военной фашистской клики», модель «ультранационалистической японской военщины», что в книге ее дается разбор пережитков феодализма в современной культуре Японии, но ни в коем случае не описание культуры страны. Об этой критике книги Бенедикт рассказали на съезде японские ученые Исида Намба. «Критика, — сказал Исида, — была направлена, помимо других сторон, против ее (Бенедикт) обращения с историческим материалом. Оказалось, что Бенедикт делала это, чтобы определить модель японской культуры, почти в одинаковой степени используя материал различных периодов истории Японии, например, данные XVII в. в наряду с материалами довоенного и военного периодов. Разве не формируется национальный характер исторически и не меняется на протяжении истории? В какой степени можем мы говорить о постоянном, устойчивом национальном характере или модели, которая

⁸ An Appraisal..., стр. 220.

⁹ Там же, стр. 343.

¹⁰ См. статьи С. П. Толстова, И. И. Потехина и Н. А. Бутинова в сборнике «Англо-американская этнография на службе империализма», Труды Института этнографии им. Миклухо-Маклая, новая серия, т. XII, М., 1951.

¹¹ An Appraisal..., стр. 299.

¹² Там же, стр. 317—318.

¹³ Ruth Benedict, The Chrysanthemum and the Sword, Boston, 1946. Эта книга в 1952 г. вышла восьмым изданием.

выдерживают великие социальные изменения?»¹⁴. Второй японский ученый, Намба, в своем выступлении присоединился к этой критике¹⁵.

Таким образом японские ученые показали, что антристоризм, сознательное искажение действительности, подгонка исторических фактов под надуманные «модели» являются основой «исследований» в области «моделей культуры». Чрезвычайно характерен тот факт, что в обзоре японской критики книги Бенедикт, данным Беннеттом в соавторстве с Миццо Нагаи, авторы не только одобряют эту критику, но и заявляют, что она выражает мнение «большинства американских социологов и этнографов — не сторонников моделей» («*American Anthropologist*», 1953, т. 55, № 3).

В последнее время арсенал этнопсихологов, наряду с концепцией «моделей культуры», пополнился некоторыми аналогичными ей построениями. Один из представленных съезду докладов — Клюкхона был посвящен «всеобщим детерминантам культуры» — неким биопсихическим постоянствам, являющимся якобы основой культуры¹⁶. По Кроберу, они существуют до культуры, т. е. еще до того, как человек выделился из животного царства. Расистский характер этой концепции очевиден: если культуру определяют некие биопсихические категории, то в них-то и надо искать причину культурных особенностей различных народов, что неизбежно ведет к признанию «высших и низших» культур и рас.

Таково же назначение еще одной концепции, которой многие американские этнографы придают в своих построениях большое значение — концепции «ценности» (value). Определение «ценности» не менее аморфно, чем определение «моделей культуры». В определении Кробера «ценности» — это принципы организации культуры, существующие в космосе, они непознаваемы, «их нужно чувствовать безотчетно»¹⁷. Мид, Леви-Штраус, Таннер и другие подвели под это понятие психобиологическую основу, связав его с расизмом. Связь этой концепции с расизмом откровенно показал Нортроп, заявив, что «одна культура лучше другой в той же степени, в какой ее система осмысления охватывает большее количество сырого материала, соприкасающегося с окончаниями чувствительных органов человеческой нервной системы», и посоветовал предпринимателям вывозить в другие страны не только машины, но и свою «систему осмысления», иначе другие народы не сумеют воспользоваться мышинами¹⁸.

Эта точка зрения Нортропа встретила должный отпор со стороны представителей Индии. Мажумдар отметил, что «наличие в Индии рабочих из различных племен, поселяющихся на плантациях и в городах на заводах и фабриках, и степень их овладения техникой не подтверждают просвещенных выводов профессора Нортропа»¹⁹. Другой представитель Индии Шах обратился к собравшимся с призывом: «Давайте не будем рассматривать каждую цивилизацию с точки зрения особого стандарта ценностей, а будем ее изучать без предвзятого мнения о превосходстве или неполноценности кого бы то ни было»²⁰.

Очевидно, что как бы ни абстрактно формулировалась та или иная концепция, выдвигаемая отдельными представителями американской этнографии, в конечном счете она выявляется как концепция, служащая единственно для прикрытия колониалистских и расистских построений. Таковы теории моделей, детерминант, ценностей и т. д., при помощи которых идеологи реакционной этнографии США пытаются доказать неполноценность тех или иных народов и оправдать направленную против этих народов экспансию американских монополий.

Сторонники психологического направления в этнографии США уделили много внимания пропаганде «психологического» подхода к изучению общественных явлений. Специальное заседание съезда было посвящено обсуждению методики такого рода исследований: проведению различного рода психологических тестов, сборанию информации, анализу снов, клиническому психоанализу и т. п. Подчеркивалась необходимость знакомства с учением Фрейда, а Мид договорилась до необходимости психоанализа самих этнографов в поле и записи и анализа их снов.

В ряде выступлений повторялись реакционные теориейки об «организующих личностях» и «гениях» (Мид), социал-дарвинистские предложения выделить из населения наиболее интеллектуальные элементы, чтобы выправить «ненормальное положение», при котором «аристократы вырождаются, а неумиющие размножаются» (Линтон). Но эти высказывания встретили решительные возражения со стороны целого ряда собравшихся на съезде ученых. Биркет-Смит указал, что «этнология не должна быть ни социологией, ни психологией»²¹. Представитель Австралии Надель также выступил против «психологизма» и «психологических» приемов в этнографии, отметив, что в их несостоятельности он убедился на своем собственном опыте²². Против рассуждений социал-дарвинистов выступил Мажумдар, указавший, что с изменением социальных условий наблюдается быстрый рост талантов среди населения, что видно на примере Индии.

¹⁴ An Appraisal..., стр. 139—140.

¹⁵ Там же, стр. 343.

¹⁶ Anthropology Today, стр. 507—524.

¹⁷ An Appraisal..., стр. 373.

¹⁸ Там же, стр. 331—332.

¹⁹ Там же, стр. 345.

²⁰ Там же.

²¹ Там же, стр. 68—69.

²² Там же, стр. 93.

Многие из американских этнографов также выступили против психологизма и различного рода тестов в этнографии. Не только Лесли Уайт, который еще задолго до съезда чрезвычайно метко назвал период увлечения психологией «мрачным веком американской этнографии»²³, но даже Кробер вынужден был высказаться против увлечения психологическими тестами и психоанализом. Характерно выступление Мордока, отметившего, что если в свое время он ратовал за психологический подход, то теперь, когда увлечение психологией привело к игнорированию собственно этнографических исследований, он становится сторонником «историзма» «традиционной антропологии»²⁴. Это выступление говорит о настроениях той части американских этнографов, которые, как и многие честные люди Америки, разобрались в реакционной сущности психологического направления в этнографии.

Резкой критике подверглись на съезде и методы последователей психологического направления в области изучения национального характера.

От этой группы американских этнографов выступила Маргарет Мид, объявившая изучение национального характера новой линией изучения проблемы «личности и культуры». Если Р. Бенедикт сводила разнообразие культуры народов к «моделям культуры», то Мид сводит все к таким же стабильным «национальным характерам». Рассматривая нацию как сумму индивидов, Мид считает возможным изучать национальный характер народа на группе лиц данной национальности, даже не живущих в своей стране. Так, например, она считает достаточным собрать в Нью-Йорк или Чикаго группу эмигрантов и подвергнуть их обследованию при помощи манипуляций с психологическими тестами, психоанализа и т. п. Мид подчеркивает необходимость учитывать при этом «интраспсихическое» (?) поведение индивидов и проводить «клинические исследования», так как все обследуемые личности, по ее глубокому убеждению, имеют неполноценную психику. Небезинтересно, что в дальнейшем Мид сама раскрывает политические цели своих изысканий, говоря, что они продиктованы напряженностью в международной политической обстановке. Откровенно связывая свои исследования «национальных характеров» с военными приготовлениями США, Мид отмечает, что если кто-нибудь гарантирует ей мир в течение 25 лет, то она в течение этих 25 лет не коснется национального характера, потому что считает более важным поехать на Новую Гвинею²⁵. Служебная роль исследований Мид выявляется и из дальнейшего ее сообщения о том, что наиболее интенсивная работа в этом направлении проведена по Японии, Великобритании, Германии и Советскому Союзу²⁶. Не случайно интерес к этим странам был продиктован «государственными агентствами», по «просьбе» которых «были сделаны все проведенные до сих пор исследования» национального характера²⁷. Оказывает сама Мид, наряду с Горером, является «специалистом» по национальному характеру русских людей. О научной значимости ее исследований в этой области свидетельствует хотя бы тот факт, что решающим фактором в формировании русского национального характера Мид считает «...продолжительное и очень крепкое пленение детей, якобы сообщающее русским чувство необходимости крепкой власти»²⁸. Здесь обращает на себя внимание не только замечательная наивность данного «научного» построения, и оперирование безнадежно устаревшими фактами, приписываемыми американскими исследовательницами советской действительности. О подобных «исследованиях» А. А. Жданов еще в 1946 г. метко сказал: «За последнее время появилось также много «исследований» на тему о характере советских людей вообще, о национальном характере в частности, причем во многих статьях не жалеют усилий для того, чтобы изобразить советских людей в самом неприглядном свете. Читаешь и удивляешься, как быстро русские люди изменились. Когда лилась наша кровь на полях сражений, восхищались нашей храбростью, мужеством, высокими моральными качествами, беспредельным патриотизмом. И вот теперь, когда мы в сотрудничестве с другими народами хотим реализовать свое равное право на участие в международных делах, нас начинают поливать потоками ругани, клеветы, поносить и заушать, приговаривая в то же время, что у нас якобы несносный и подозрительный характер»²⁹.

Деятельность Мид и ее коллег в области изучения национальных характеров встретила серьезный отпор со стороны ряда делегатов съезда. Представитель Таи Сангвиц справедливо заметил Мид, что для того, чтобы изучать национальный характер, например, сиамцев, нужно поехать в Сиам и познакомиться там с жизнью простого народа. Представитель Индии Мажумдар прямо заявил, что подобного рода исследования вообще не нужны, потому что они ведут к расизму и вызывают недовольство наций; в качестве примера он привел реакцию японцев на книгу Бенедикт «Хризантема и меч». О ненаучности этих исследований говорил англичанин Дариль Форд, указавший, что

²³ «American Anthropologist», 1946, t. 48, No. 1, стр. 87.

²⁴ An Appraisal..., стр. 354.

²⁵ Там же, стр. 136.

²⁶ Anthropology Today, стр. 661.

²⁷ An Appraisal..., 135.

²⁸ M. M c a d. Anthropology Today, стр. 64.

²⁹ А. А. Жданов, 29-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, М., 1946, стр. 25—26.

³⁰ An Appraisal... стр. 138.

³¹ Там же, стр. 139.

все прочитанное им о национальном характере, носило «характер семейных и сексуальных отношений»³². Наконец, и среди американских этнографов раздавались голоса против откровенно прислужнического характера такого рода исследований. Этнограф Мандельбаум прямо заявил, что этнографы не должны быть подручными внешних агентов³³.

* * *

Служебная роль американской этнографии не ограничивается только исследованием национального характера. Дело поставлено значительно шире: создана особая отрасль этнографии, так называемая «прикладная антропология», организующим центром которой является Общество прикладной антропологии со своим уставом и печатным органом. «Прикладная антропология» — это, в сущности, этнография на службе монополий, о чем откровенно говорилось на съезде.

«Прикладные антропологи» решили широко осветить вопросы использования этнографии в интересах эксплуатации и порабощения народов. Вниманию участников съезда был представлен ряд докладов о «прикладной антропологии» в США, Британской империи и Нидерландах. Неизвестный Чэппл (глава E. D. Chapple Company Incorporated, New York) в докладе «Прикладная антропология в промышленности» подвел итоги деятельности своих коллег в области изучения отношений людей на производстве и вопроса поднятия производительности труда рабочих. Как выяснилось, один из сих ученых мужей «доказал», что утомляемость рабочих в процессе труда — явление не физиологическое, а... «результат маниакального мышления»³⁴, поэтому стоило лишь отвлечь рабочего от этого «мышления», как он перестанет чувствовать усталость. Когда в прениях докладчику был задан вопрос, почему профсоюзы против работы, какую ведут Чэппл и его коллеги, он ответил: «профсоюзы, за двумя-тремя исключениями, — вещь новая, и борьба с администрацией их главное занятие. Они не благосклонны к антропологии...»³⁵. Это признание Чэппла еще раз говорит о том, что американские рабочие понимают реакционное, служебное назначение «антропологии» Реслисбергера, Чэппла, Мид и др.

Работники Государственного департамента США Кеннард и Макгрегор посвятили свой доклад роли этнографов в административных и военных организациях США, специально остановившись на использовании их в военное время. Американские этнографы принимают участие в подготовке различного рода «работников для заграницы», в частности, участвуют в подготовке «специалистов» по Китаю, Японии, Юго-Восточной Азии, Индии, Пакистану, арабскому Востоку и СССР.

Истинное значение «прикладной антропологии» показал на съезде представитель Таи Сангвицян. Она «необходима лишь тогда, — сказал он, — когда белые превращают нацию в колонию или стоят перед проблемой национального меньшинства, как в случае с американскими индейцами или в вопросе индустриализации. Ничего этого в Снаме нет... Правда, некоторые свамцы с европейским образованием хотя бы переделают культуру Таи на американский лад. Я хочу, чтобы вы указали им, что западная цивилизация может быть полезна только некоторым, но не всему народу Таи»³⁶. Сангвицян высказал здесь протест народа Таи против попыток «американизации», т. е. колонизации Таи американскими монополиями. Другие выступления по вопросам «прикладной антропологии» также достаточно ясно выявили ее реакционную роль.

* * *

Материалы съезда еще раз показали неприглядную сущность реакционной этнопсихологии, смыкающейся с расизмом. Как мы видели, далеко не все американские этнографы стоят на позициях этого направления, но общим для большинства из них является отрицательное отношение к так называемому «эволюционизму». Вопрос этот не раз поднимался на съезде. Почему он так беспокоит американских этнографов и что скрывается за их отношением к эволюционизму, становится понятным из заявления Стюарда: «Принятие марксистами и коммунистами эволюционизма XIX века, особенно схемы Моргана как официальной догмы (Толстой, 1952)³⁷, не способствовало принятию учеными западных наций чего бы то ни было под названием «эволюция»³⁸. Именно то обстоятельство, что учение Моргана было поддержано и развито марксизмом, вызывает против него бурную реакцию эпигонов американской реакционной науки.

³² An Appraisal, стр. 137.

³³ Там же, стр. 135.

³⁴ Anthropology Today, стр. 820.

³⁵ An Appraisal..., стр. 185.

³⁶ Там же..., стр. 183.

³⁷ P. Tolstoy, Morgan and Soviet Anthropological Thought, «American Anthropologist», 1952, v. 34, LIX, № 1.

³⁸ Anthropology Today, стр. 315.

Под видом критики эволюционизма ведется борьба с историческим материализмом с идеей единства исторического процесса. Этой идее американские теоретики противопоставили идею «плюрализма развития отдельных культур», вылившуюся в трудах Бенедикт, Мид и других в реакционном учение в «культурных моделях», «конфигурациях культур», «национальных характерах» и т. п.

Апологетом теории «плюрализма» выступил на съезде Стюард. Его выводы сводятся к тому, что идея единства исторического процесса уже отвергнута и единственно плодотворной является идея многолинейного развития. Что касается понятия «эволюции», то Стюард считает его приемлемым, если отбросить идею единства исторического процесса и всеобщности законов развития человеческого общества. Вот такая выхолощенная «эволюция» («эволюция поштучно», как правильно заметил Стюарду Лесли Уайт³⁹), устроила бы многих американских этнографов. Стюард поднял также вопрос о пересмотре существующих классификаций культур, безусловно отвергнув моргановскую периодизацию, а также периодизации, принятые прогрессивными учеными Лесли Уайтом и Гордоном Чайлдом, «как слишком общие». Его не удовлетворяют и существующие в настоящее время в США попытки классификации культур: по «культурным моделям» (Бенедикт), по «национальным характерам» (Мид и Горера), по «темам» (Оплера). Отмечая, что все они имеют в своей основе старое понятие «культурного ареала», служившее только целям подчеркивания культурных контрастов, он сам предлагает не менее искусственную классификацию по «культурным» или «социокультурным» типам, которая, по его мнению, выходит за пределы «культурного ареала». «Культурный тип» Стюарда характеризуется не всей совокупностью культурных элементов, а только несколькими «избранными» чертами, произвольно выделяемыми исследователем. В результате, как отмечает сам Стюард, «любому аспекту культуры может быть придано первостепенное классифицирующее значение»⁴⁰, в зависимости от интересов исследователя. Таким образом, «культурный тип» определяется субъективными взглядами исследователя, и тем самым исключается научная объективность этой классификации.

С критикой современных школ и течений в этнографии выступил также Дункан Стронг в докладе «Исторический подход в антропологии». Он критикует не только эволюционизм (Моргана, Лесли Уайта, Гордона Чайлда), но и диффузионизм, культурно-историческую школу и современные исследования в американской этнографии. Он ратует за исторический подход к этнографическому материалу, отмечая, что его не было в работах так называемой американской исторической школы.

Доклады Стюарда и Стронга показывают, в какой безвыходный тупик зашли наиболее влиятельные направления американской этнографии. Их не удовлетворяют больше старые теории. Концепция «культурных ареалов», противопоставленная в свое время стихийно-материалистическому учению Моргана, бессильна ответить на те вопросы, которые ставит перед учеными накопленный материал, но в то же время они не могут принять единственное учение, дающее возможность ответить на эти вопросы, — исторический материализм. Лишь немногие американские этнографы начинают понимать, что только по этому единственному пути может идти этнография, если она хочет развиваться как наука.

Характерен в этом отношении доклад Биднея. Критикуя современные направления в буржуазной этнографии, вскрывая их «историко-культурный идеализм», он высказывает симпатию не только к эволюционизму, но и к марксизму. Он призывает этнографов переходить к сравнительному изучению культур «с целью показа всеобщих принципов культурной динамики», отражая тем самым известный поворот части американских этнографов в сторону признания сравнительного метода исследования и необходимости установления закономерностей культурного развития⁴¹. Критикуя «культурных релятивистов», Бидней противопоставляет их концепции учение Маркса о классовой борьбе и ставит в вину американским этнографам, что они пренебрегли этим учением⁴².

Выступление Биднея не представляет собой исключительного явления в современной американской этнографии. И другие буржуазные ученые в той или иной форме, по тем или иным вопросам все чаще обращаются к марксизму. На том же съезде американский искусствовед Шапиро в своем докладе «Стиль» сослался на марксистское объяснение искусства⁴³, а француз Левин-Штраус солидаризировался с ним в том, что марксизм ближе всего подошел к правильному пониманию связи между стилем и жизнью общества⁴⁴.

³⁹ An Appraisal..., стр. 71.

⁴⁰ Anthropology Today, стр. 321.

⁴¹ Назовем также Эгана, который в статье «Social Anthropology and the Method of controlled Comparison» («American Anthropologist», 1954, т. 56, № 5, часть 1) видит выход из тупика в возврате к сравнительному методу Моргана и показывает широкие перспективы сравнительного изучения культуры американских индейцев; Аккернехта, который в статье «Сравнительный метод в антропологии» (опубликованной в сборнике «Method and Perspective in Anthropology», Minneapolis, 1953, под редакцией Спенсера) ратует за признание сравнительного метода, считая применение его ренессансом в науке.

⁴² Anthropology Today, стр. 688—689.

⁴³ Там же, стр. 311. An Appraisal..., стр. 65—66.

⁴⁴ An Appraisal... стр. 366.

* * *

Таковы, в основном, вопросы, обсуждавшиеся на этом итоговом съезде. Итоговым его можно считать лишь в том смысле, что он наглядно показывает тот тупик, в который зашла современная буржуазная этнография в США. Это признают, как мы видели выше, сами американские этнографы. Кробер в своем заключительном слове, говоря о современном состоянии этнографии, прямо заявил, что ему «не жаль бросить это дитя на съедение волкам»⁴⁵.

Съезд показал, что идеологам реакционного крыла в американской этнографии так и не удалось подчинить своему влиянию буржуазную этнографию Старого Света. Выступления ученых Европы и Азии показали, что они не принимают теоретические построения этнопсихологов, что они видят их расистскую сущность. Разоблачая и отвергая их, они выразили волю своих народов, борющихся за независимость своих стран.

Съезд показал, что реакционное этнопсихологическое направление не стало господствующим даже в американской буржуазной этнографии. Реакционная сущность этого направления отступила от него многих из прежних сторонников психологизма в этнографии. В рядах американских этнографов растет стремление найти новые пути этнографического исследования, которые вывели бы науку из состояния тупика. Вне всякой программы съезда, столь тщательно разработанной его руководителями, на нем были услышаны голоса ученых, решившихся принять отдельные положения марксизма и осмелившихся заявить об этом даже в условиях преследования за «неамериканский» образ мыслей.

Тенденции, наметившиеся на съезде, продолжают развиваться в литературе, вышедшей в самые последние годы. Все больше раздается высказываний за возврат к сравнительному методу исследования; еще в 1953 г. Фонд Веннер-Грен провел по этому вопросу специальное совещание. Американские этнографы все чаще говорят о наличии в их среде противников «моделей культуры», «национальных характеров» и им подобных реакционных концепций.

Ю. Аверкиева

НАРОДЫ СССР

Былины. Вступительная статья, подготовка текста и примечания Б. И. Богомолова. «Библиотека поэта», Малая серия, Л., 1954.

Серийное издание «Библиотека поэта» (Большая и Малая серии), имеющее своей целью популяризацию русской поэзии, в течение ряда лет печатает наряду с произведениями русских поэтов и сборники народнопозтического творчества — былин, песен, частушек и пр.

Рецензируемый сборник является несколько переработанным повторным изданием в той же серии («Былины», 1950). Сборник содержит 27 текстов, взятых из печатных источников. Соответственно значению образов богатырей в национальном эпосе большее число текстов, дающих «поэтическую биографию» (стр. 13), отведено Илье Муромцу, затем — Добрыне Никитичу. Помешены также былины об Алеше Поповиче, Василии Игнатьевиче, Сахматии, Вольге, Микуле Селяниновиче, Чуриле, Ставре, новгородские былины о Василии Буслаевиче и Садко и о других героях эпоса. Сборник снабжен примечаниями, характеризующими сюжеты и некоторых, более выдающихся, сказителей, а также словарем и краткой библиографией «главнейших сборников былин».

Сборнику предпослана содержательная статья, освещающая ряд важных вопросов русского национального эпоса: происхождение былин, их значение в жизни древней Руси, их развитие и идейное содержание — патриотизм, демократизм, отсутствие завоевательных идей, утверждение труда как богатырского подвига. Рассмотрены также особенности поэтических средств былинного жанра, стихосложение и напевы.

Кроме классических изданий былин XIX — начала XX в., в рецензируемом сборнике использованы издания советского времени: «Былины Севера» в записи А. М. Астаховой, т. 1, 1938; «Былины Пудожского края», подготовленные к печати Г. Н. Париловой и А. Д. Соймоновым, 1941; «Онежские былины», собранные экспедициями под руководством Б. и Ю. Соколовых и опубликованные в серийном издании — «Летописи Государственного литературного музея», кн. 13, 1948. Тексты в основном взяты в передаче лучших сказителей — Т. Г. Рябинина, А. П. Сорокина, Л. Г. Тупицына, А. М. Крюковой, Г. А. Якушова и других. От сказительницы М. С. Крюковой имеется одна запись 1899 г.; записи более поздних лет, характеризующие ее зрелое творчество, не использованы.

В небольшом популярном сборнике очень ответственно выбран текстов, по которым широкий читатель будет знакомиться с русским эпосом в целом; поэтому встает задача отбирать не только наиболее художественные, но и наиболее типичные варианты. В этом отношении некоторые тексты сборника не вполне удовлетворительны. Не типичен

⁴⁵ An Appraisal..., стр. 366.